

Глава 615: Крик молодого феникса просто ясен, ничего более

Когда прошло некоторое время, возможно, очень длинное, возможно, очень короткое - Чэнь Чаншэн очнулся от ступора и быстро спасся бегством.

Маленькая Черная Драконица смотрела, как его спина исчезает в темноте, а ее лицо изобразило дьявольский оттенок, особенно эти ее вертикальные зрачки. Эмоции в них были невероятно холодными.

Ограничение, оставленное Ван Чжицэ на каменной стене, делало для нее невозможным восстановить ее истинную силу, но если она хотела, она все еще могла с легкостью схватить Чэнь Чаншэна и съесть его в один укус, иначе как бы она могла быть так называемым 'табу' Имперского Дворца, которое никто не смел упоминать?

Но она не сделала этого. Злость в ее зрачках постепенно рассеялась, оставив лишь одиночество, огорчение и упрямство.

Она отчетливо понимала, что Чэнь Чаншэн сбежал не потому, что боялся быть съеденным, а потому, что пытался сбежать от чего-то еще.

Без помощи Черной Драконицы Чэнь Чаншэн не мог использовать тот бассейн, чтобы вернуться на поверхность. Путь, который он выбрал, был тем путем, который он выбрал в первый раз, когда по ошибке вошел в подземное пространство. Он толкнул тяжелую каменную дверь и вернулся в холодное пространство, которое он не видел уже в течение очень долгого времени. Когда он увидел далекий Дворец Вэйян, юноша испытал некоторое волнение.

В то время Мо Юй использовала какую-то чудодейственную способность, чтобы позаимствовать массив Имперского Дворца и переместить его во Дворец Вэйян, чтобы пленить его в этом дворце. Она, вероятно, не ожидала, что он действительно храбро ступит в подземное пространство, чтобы столкнуться с легендарным 'табу', что помогло ему найти нить надежды. Аналогично, он также не ожидал, что хоть 'табу' и было жестоким и беспощадным на поверхности, на самом деле, оно было немного наивной и высокомерной девочкой-драконом, и он не думал, что у него будет столько историй с этой девочкой.

Стоя под осенним деревом у Пруда Черного Дракона и изучая известный Массив Дворца Тун, он впал в глубокие размышления. Юноша хорошо знал Даосские Каноны и провел достаточные исследования на тему массивов. Хоть он и не был на уровне Сюй Южун или Гоу Ханьши, среди культиваторов мира его все еще можно было считать весьма выдающимся. По этой причине, когда он был пленен этим массивом, он смог обнаружить, что его корни были глубоко в этом пруду.

Для устранения ограничения, оставленного Ван Чжицэ, он готовился в течение длительного времени. Вместе с помощью от Сюй Южун он был уверен, что потребуется не более десяти лет, чтобы эти две цепи заржавели и потеряли свою эффективность, и тогда маленькая Черная Драконица вернет свою свободу. Если она начнет культивировать ту копию Свитка Времени, который он оставил в подземном пространстве, она сможет еще больше сократить время.

Однако, к тому времени он уже не будет здесь.

Это было то, что подразумевалось под 'Проходят тысячи лет, белые облака беспечно странствуют, все вещи те же, но люди - нет, росток вырос в пышный куст'.

Но, в конце концов, были кое-какие люди или дела, которые нельзя было отпускать.

В Храме Южного Ручья был божественный артефакт, который имел то же имя, что и известный массив этого холодного места. Они оба были названы Дворцом Тун.

Дворец Тун был в ее руках.

Она, вероятно, прямо сейчас была в Имперском Дворце, недалеко от него.

Чэнь Чаншэн сделал круг вокруг пруда, следуя каменным путем к задней двери Дворца Тун. Подойдя к лесу, он взглянул на далекое скопление дворцовых залов.

Ему не нравилась смерть в одиночестве, но он не хотел, чтобы она видела, как он будет покидать этот мир.

Через некоторое время он собрался отправиться в Сад Чжоу. Там никого не было, туда никто не мог войти.

Но перед этим были кое-какие дела, которые он должен был сделать.

Из леса перед ним раздался шелест. Несколько уже желтеющих, но все еще зеленых листьев упало вниз.

Черная Коза вышла из леса, немного наклонив голову вбок, глядя на Чэнь Чаншэна в некотором недоумении. Она молча спрашивала, почему сегодня он появился здесь, а не у пруда.

Чэнь Чаншэн сложил руки и поклонился к земле перед Черной Козой, очень серьезно падая ниц перед ней, говоря: «Большое спасибо за эти два года твоей заботы».

Черная Коза повернула голову к определенному залу среди далекого скопления дворцов.

Чэнь Чаншэн понял, что она хотела сказать, и покачал головой, говоря: «Я не иду туда».

Черная Коза развернулась и спокойно посмотрела на него, ее мрачные глаза были похожи на глубочайшую темноту.

«Я прожил всю мою жизнь серьезно, или, возможно, строго, потому что я надеялся, что таким образом смогу прожить чуть больше лет. Теперь, когда я убедился, что для меня нет способа прожить еще несколько лет, после внимательных раздумий мое самое большое сожаление в том, что я никогда не жил необузданной жизнью. Я культивирую Дао следования моему сердцу, но когда я действительно следовал моему сердцу?»

С того момента, как он подтвердил, что скоро умрет, Чэнь Чаншэн никогда не раскрывал свои истинные мысли кому-либо, но сейчас он изливал свое сердце Черной Козе.

«Так что прежде, чем я умру, я решил сделать кое-что, что я всегда хотел сделать. Если я смогу достигнуть успеха, я думаю, что я буду очень счастлив».

.....

.....

Убивай на востоке, убивай на западе, убей всех, но все же это все было о слове 'убей'.

Убей всех, кто противостоит тебе, тогда, естественно, не будет никого, кто противостоит тебе.

Убивай и вырубай этот мир, который смеет идти против твоей воли, и тогда этот мир, естественно, подчинится твоей воле. Но что, если весь мир подчинится? Как справиться со всем, что находится за гранью мира? Что насчет сердец людей?

Услышав слова Божественной Императрицы, Сюй Южун затихла на очень долгое время.

Это было тираническим провозглашением Императрицы, а также учениями Императрицы ее единственному наследнику.

Она должна была задуматься над этим на некоторое время. В то же самое время она должна была молча рассчитывать и планировать.

Тогда, когда она сказала Чэнь Чаншэну, что входит в Имперский Дворец, чтобы попросить помощь Императрицы, Чэнь Чаншэн сказал, что в этом не было смысла.

Видя холодное отношение Божественной Императрицы, казалось, что все действительно так и было.

В действительности, это был результат, который любой мог предсказать.

Но она все равно пришла в Имперский Дворец.

Так она должна была сделать все, что было по-человечески возможно, и оставить остальное для небес? Потому что она надеялась, что сможет вымолить несколько десятков дней мира и покоя для Чэнь Чаншэна?

Нет. Хоть она и была человеком Дао, у нее было свое острие и она не практиковала принцип бездействия.

С того момента, как они покинули Гору Хань, и до последней ночи, она всегда рассчитывала, а ее указательный палец никогда не покидал Пластины Звезды Судьбы.

Она пыталась увидеть Небесное Дао, разорвать плотный туман судьбы и увидеть истинный путь вперед, но все результаты ее расчетов были одинаковыми.

Для того, чтобы Чэнь Чаншэн сбежал от своей судьбы, единственная, почти иллюзорная нить судьбы была соединена с телом Императрицы.

Логически говоря, это наказание Небесного Дао, от которого страдал Чэнь Чаншэн, всегда было клятвой Императрицы, которую она дала звездному небу, и человеком, который больше всего хотел его смерти, тоже была Императрица. Поэтому, если она хотела развязать эту нить судьбы, было лишь верно, что решение можно было найти на теле Императрицы.

Но она знала, что смысл, продемонстрированный судьбой, не был этим.

Увидеть гору, как гору, но не гору, как все еще гору... горы всегда оставались горами, но эти значения были совершенно различными.

Так что она покинула Ортодоксальную Академию и пришла в Имперский Дворец.

Она твердо верила, что это действие принесет какие-то изменения, но между ее прибытием и текущим временем прошло долгое время, но не происходило никаких изменений.

Фарфоровая чашка все еще поворачивалась под ее пальцем, и казалось, что она никогда не

останавливалась от дневного времени до темной ночи, как водяное колесо в реке, как само время.

«Искусство дедукции - это в конечном счете увидеть все возможные изменения, но Небесное Дао - неопишное и неисчислимо, так как его можно рассчитать?»

Божественная Императрица внезапно поставила фарфоровую чашку на стол и взглянула на нее. Этот один взгляд, казалось, уже увидел всё насквозь.

После паузы Сюй Южун ответила: «Хоть мы и не можем действительно коснуться его, мы все еще можем приблизиться чуть ближе».

Божественная Императрица упрекнула ее: «Прямо сейчас ты даже не можешь рассчитать, что в уме у других людей, но ты говоришь о приближении к Небесному Дао?»

Лицо Сюй Южун немного побледнело, потому что она смутно чувствовала, что изменение, которого она ждала, уже произошло, но... это изменение не было тем, что она хотела.

«Ты выложила массив мечей в Ортодоксальной Академии и даже попросила Дворец Ли прислать помощь. Затем ты пришла в Имперский Дворец, чтобы увидеть меня, считая, что ты сможешь отрезать его от мира, отрезать меня от мира. Ты хотела подождать, пока Небесное Дао начнет двигаться, пытаешься найти в нем малейшее изменение, но ты рассчитывала так долго, что забыла рассчитать одну вещь».

Божественная Императрица спокойно взглянула на нее и сказала: «Ты забыла, что он тоже рассчитывал».

Сюй Южун знала, что допустила ошибку.

Что, если Чэнь Чаншэн покинул Ортодоксальную Академию, что тогда? Если она отсутствовала, никто не мог помешать ему уйти.

Императрица призвала ее во дворец именно для того, чтобы создать такую возможность для Чэнь Чаншэна.

Другими словами, если она пыталась выбрать выход для Чэнь Чаншэна, Императрица уже давным-давно поняла, какое решение примет Чэнь Чаншэн.

«Императрица, как вы можете понимать его? Потому, что вы двое - мать и сын?» - Сюй Южун взглянула на нее, ее голос стал ясным и холодным.

Божественная Императрица ответила: «Когда пришел момент, ты все еще не забываешь упомянуть это, чтобы надавить на мою жалость. Ты весьма настойчивый ребенок».

Упрямство появилось на прекрасном лице Сюй Южун, когда она спросила: «Но разве то, что я сказала, - не факт?»

«Конечно же, это не факт, - голос Божественной Императрицы казался тяжелым, как нефрит или золото, - я понимаю его лишь потому, что я понимала его ранее».

Она встала и вновь подошла к окну, глядя вдаль за дворцовые стены.

Вечерние облака сумрака преобразились в обширное небо звезд. Ее голос также был намного более безразличным, чем в дневное время, и даже казался довольно холодным.

«В глазах обычных людей так называемые Святые знают всё, но они не знают, что после пересечения этой грани мы все еще стоим на красной пыли мира смертных. Святые не ошибаются потому, что Святые не могут ошибаться. Как только они допустит ошибку, красная пыль покрывает их тела и они найдут большим испытанием освободиться от нее».

Эти слова сопровождали ясный и холодный голос, коснувшийся ушей и сердца Сюй Южун.

«Я никогда не боялась таких вещей, как Небесное Дао или судьба. Оно хочет сделать тебя и меня волком и лошадью, но я сделаю их моими волком и лошадью. Я возьму вожжи и упряжь, повешу на них тяжелый плуг, и использую их для открытия новых земель и расширения королевства, использую их для создания хорошей погоды для посевов. Но сейчас, когда я смотрю на него, мое сердце, которое думало об использовании Небесного Дао, признает, что оно было бесполезным, понимая, что оно никоим образом не сильнее, чем мои собственные способности. Это было величайшей ошибкой, которую я тогда допустила. В тот миг, когда я пришла к этому заключению, моя душа была запятнана пылью, которую я никогда не смогу смыть».

Божественная Императрица обратила свой взгляд к Сюй Южун.

Возможно, потому что она говорила о Небесном Дао, выражение ее лица было очень серьезным и умиротворенным, а ее идеальное лицо было наполнено божественной аурой.

Сюй Южун ясно понимала, что это тоже было обучение, и кроме этого, существовал истинный смысл, который, возможно, никто кроме нее не понимал.

С тех пор, как она была ребенком, такая сцена возникала много раз, так что она уже давным-давно привыкла к этому, но в этот раз все было по-другому.

Потому что Императрица говорила о наиболее таинственном, наиболее высоком, наиболее чудесном Небесном Дао, но смысл ее слов был крайне неуважительным к Небесному Дао.

Более того, она смутно понимала, почему Императрица говорила ей это.

«В будущем наступит день, когда ты будешь настолько же сильной, как я. Я надеюсь, что ты сможешь быть даже сильнее, так что я не позволю тебе допустить ту же ошибку, что и я».

Божественная Императрица посмотрела ей в глаза и сказала: «Если перед тобой Небесное Дао, ты должна разрубить его. Если нити чувств перед тобой, будет еще правильнее разрезать их».

Когда Сюй Южун услышала эти последние слова, она получила доказательство своего заключения и ее тело похолодело.

«Ты - моя наследница».

Божественная Императрица стала перед ней и посмотрела на нее вниз, спокойно продолжая: «Любого человека или ситуацию, которые вредят твоему Великому Дао, я убью и разрублю».

Лицо Сюй Южун стало еще бледнее. Ее несравненно яркие глаза немного потускнели.

«Цюшань весьма приятен для меня, но ты не признаешь его. Это тоже доставляет мне удовольствие».

«Ты любишь Чэнь Чаншэна. Хотя в нем есть много аспектов, достойных любви, он все еще не нравится мне».

«Твоя жизнь не должна растрачиваться на эти бессмысленные вещи».

«Чем больше ты заботаешься о Чэнь Чаншэне, тем больше я хочу убить его».

Сюй Южун ничего не говорила в течение очень долгого времени.

Ее лицо продолжало бледнеть, пока оно, наконец-то, не было, как лед, и было полностью лишено какого-то другого цвета.

Но ее глаза постепенно вернули их прежнюю яркость, как горный лес, который вновь поприветствовал утреннее солнце после тумана.

Затем снежная равнина, казалось, вырастила зимнюю сливу, казалось, что она приобрела красное пятно. Сливовые цветения постепенно расцвели, и ее лицо начало становиться краснее и краснее.

С гулом через зал подул ветер, и два белоснежных крыла длиной в тридцать метров раскрылись за ее спиной!

Она взлетела в воздух, излучая яростные лучи света и божественное и мощное ци.

Она сжигала истинную кровь Небесного Феникса в своем теле, поднимая культивацию до ее пика, даже превосходя верхние пределы своего тела.

Она была Святой Девой Ортодоксии и представляла святость и свет, неся бесконечную божественную мощь, данную ей звездным небом.

Она все еще была на пике Неземного Открытия и, конечно же, не вошла в Божественный Домен, но в ее текущем состоянии она уже имела некоторые характеристики и ауру Божественного Домена, и полностью была в состоянии провести бой с верхними экспертами Провозглашения Освобождения. Даже некоторым экспертам на уровне Штормов Восьми Направлений потребуется некоторое время и техники, чтобы полностью подавить ее.

Она никогда не думала о том, чтобы угрожать Божественной Императрице, лишь пытаясь выиграть некоторое время, чтобы она могла разрушить этот план, который мог быть создан Небесным Дао или умами людей.

Даже если она сможет высвободить лишь часть света, если она сможет зажечь Имперский Дворец Великой Чжоу, возможно, она сможет осветить столицу и дать Дворцу Ли увидеть.

Однако, в следующий момент ветер в этом дворце прекратился.

Священный свет, излучаемый во всех направлениях, исчез без следа.

Два белоснежных крыла за ее спиной слабо опустились на пол.

Рука была сжата вокруг ее горла.

Это была рука Божественной Императрицы.

Она казалась утонченной рукой, но сейчас она была несравненно ужасающей.

Тело Божественной Императрицы вовсе не было высоким или большим, но ее рука держала Сюй Южун в воздухе.

За ее спиной раскрылось два черных крыла длиной в более трехсот метров, ломая две стены широкого дворцового зала, медленно поднимаясь и опускаясь в темноте.

Эта сцена казалась невероятно мистической и чудовищной, но и также обладала удивительной красотой.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/173196>